

ТРАНСГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ СИСТЕМЫ

Громакова В.Г., Величко Е.С., Морозова С.А., Ткач А.Ю., Чеботарева А.В.

ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия (344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), e-mail: victoriagromakova@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования репрезентаций гендерных и трансгендерных установок и ожиданий молодежи. Указанные репрезентации рассматривались как отражения объективной гендерной системы. Сбор эмпирических данных проводился с использованием проективного метода в форме эссе на тему: «Если завтра я проснусь мужчиной/женщиной...», которое предлагалось написать респонденту. Таким образом, моделировалась ситуация трансгендерного перехода. Анализ текстов осуществлялся методом контент-анализа. Описанные респондентами предполагаемые реакции в ситуации смены биологического пола изучались в качестве показателей гендерных моделей поведения, а также ролевых ожиданий и установок относительно противоположного гендера (трансгендерных). В целом полученные результаты проливают свет на статусно-ролевую организацию гендерной системы современного российского общества. Продемонстрированы гендерные различия реакций на нестандартную ситуацию, модально различающиеся атрибуты женского и мужского гендеров, сохранение гендерного неравенства.

Ключевые слова: социальный габитус, гендерная система, статусно-ролевая структура, гендерная иерархия.

THE TRANSGENDER REPRESENTATIONS OF MODERN YOUTH AS MEANS OF STUDYING OF GENDER SYSTEM

Gromakova V.G., Velichko Ye.S., Morozova S.A., Tkach A.Yu., Chebotareva A.V.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42), e-mail: victoriagromakova@yandex.ru

The results of empirical research of gender and transgender representations of installations and expectations of youth are described in article. The specified representations were considered as reflection of objective gender system. Collecting empirical data was carried out with use of a projective method in the form of the essay on a theme: "If I shall awake in the male/female image tomorrow..." that the respondent had to write. Thus, the situation of transgender transition was modelled. The analysis of texts was carried out by a content analysis method. The alleged reactions described by respondents in a situation of change of a biological sex were studied as indicators of gender behavior models, and also as transgender role expectations and installations. In general, the received results shed light on the structure of gender system of modern Russian society. The gender distinctions of reactions in a non-standard situation, the modal differences of the female and male genders attributes, the preservation of a gender inequality are shown in this text.

Keywords: social habitus, gender system, status-role structure, gender hierarchy.

В настоящее время **актуальность** гендерных исследований обусловлена значимыми трансформациями социальной структуры, проявления которых, в частности, ярко выражены в сфере взаимоотношений полов [4]. Наиболее заметными являются изменения социально-культурных паттернов поведения мужчин и женщин [5,6]. В свете результатов наблюдений за внешними признаками динамики гендерных отношений возникают мнения об исчезновении такого феномена, как гендерное неравенство, либо даже об инверсии гендерной иерархии и необходимости профилактики дискриминации мужчин [7]. В то же время сохраняется и устоявшаяся ранее точка зрения о мужском доминировании, которое приобретает только более скрытые формы [2]. Разрешение возникшего спора с очевидностью требует эмпирических исследований. Соответственно была определена **цель** нашего

исследования – изучение статусно-ролевой организации гендерной системы в современном российском обществе.

Методы

По мнению авторов настоящей статьи, специфика поставленной цели определяет необходимость отказа от прямых вопросов и вопросов личного характера, касающихся реальной жизни, поскольку здесь будет высоким риск искажения результатов в силу сознательного или неосознанного стремления респондентов к приведению собственной позиции в соответствие к наиболее престижной. Преодоление соответствующих помех видится в использовании проективных методик. В нашем исследовании в качестве проекции использовалась воображаемая фантастическая ситуация внезапной смены биологического пола. Молодым людям предлагалось написать эссе на тему: «Если завтра я проснусь мужчиной/женщиной...». **Выборка** составила 49 человек и включала три подгруппы: парни в возрасте от 18 до 21 года (14 человек) и девушки 18–25 лет, проживающие на территории Ростовской области РФ (25 человек), и девушки, являющиеся представительницами народов российского Кавказа и проживающие в соответствующих регионах: Чечня, Дагестан, Ингушетия (10 человек).

Полученные тексты рассматривались в качестве репрезентаций гендерных и трансгендерных (относящиеся к противоположному полу) установок и представлений респондентов, составляющих гендерные подструктуры габитуса [1], которые в свою очередь являются когнитивными слепками с объективной гендерной системы. Анализировались тексты методом контент-анализа. Были определены категории анализа (смысловые единицы), соответствующие индикаторам гендерной системы. При выборе индикаторов мы руководствовались принципами [3]:

- а) уместности, т.е. соответствия исследовательским задачам;
- б) полноты отражения смысла основных понятий исследования;
- в) взаимоисключения (одно и то же содержание не должно входить в различные категории в одинаковом объеме);
- г) надежности отнесения к той или иной категории в процессе анализа документа.

Так, в качестве индикаторов статусно-ролевой организации гендерной системы мы рассматривали:

- специфику поведения в нестандартной ситуации (аффективные и рациональные модели реагирования) как установочный (подсознательный) элемент реального гендера респондента;

- устойчивые представления – стереотипы относительно противоположного гендера (ожидания и модели поведения – акцентируемые при моделировании трансгендерного перехода) как осознаваемый конструкт гендерной системы;

- прогнозируемые последствия воображаемой внезапной смены биологического пола (как индикатор гендерной иерархии);

За единицу анализа принимались слова и словосочетания, соответствующие категориям анализа. Единицей счета была выбрана частота встречаемости слов и словосочетаний, выраженная в процентах.

Результаты исследования

Полученные результаты показали (см. таблицу) наличие гендерных и региональных различий в характере восприятия и действия в моделируемой ситуации трансгендерного перехода. Так, комплекс аффективных реакций, описанных в эссе, обнаружил большую эмоциональность юношей, по сравнению с девушками. Именно парни в 100 % работ указали на вероятность «шока и ужаса» в случае внезапной смены пола. Аналогичную реакцию описали только 50 % кавказских девушек и ни одна жительница Ростовской области. Хотя о негативных переживаниях говорили и респондентки женского пола, но тип эмоций был несколько иной, а именно – «неверие и истерика» встречались в описаниях представительниц Ростовской области (66 %) и Кавказа (30 %). Здесь представляется важным заметить: «шок» - интроверсивная реакция, тогда как «истерика» – экстраверсивная. В данном аспекте наши результаты подтверждают известную особенность женского гендера – ориентацию на социальное окружение. Об этом говорят также и такие единицы анализа, «переживания о родителях и друзьях», «о парнях из «прошлой жизни»», которые имели место только в ответах девушек, но не кавказских. Представительницы Кавказа демонстрировали другую особенность – в половине их эссе были описаны эмоции радости и чувства ответственности, которые они испытали бы, «вдруг став мужчиной». Наиболее вероятной причиной данных реакций является гендерная иерархия, которая существенно сильнее проявляется в локально проживающих этнических сообществах Кавказа, нежели полиэтничной Ростовской области. Причем традиционно статус женщины инвариантно ниже мужского. Соответственно для кавказской женщины приобретение мужского гендера – это, прежде всего, вертикальная социальная мобильность, которая закономерно вызывает удовлетворение. Для ростовчанок проблемы гендерной дискриминации, по-видимому, не столь актуальны. Они, тем не менее, продемонстрировали другую позитивную аффективность – любопытство (71 %), что было также отмечено и в эссе девушек из кавказских республик (50 %). Что касается юношей, то воображаемая ситуация превращения в женщину не вызвала никаких положительных эмоций. Помимо «шока и ужаса» они

обозначали желание «сильно пить» (25 %) и «не выходить из дома» (25 %) – дополнительные свидетельства в пользу интроверсивной модели переживания стресса у мужчин.

Таблица

Результаты контент-анализа эссе «Если завтра я проснусь мужчиной/женщиной...»

Категории анализа Единицы анализа	Группы респондентов		
	Парни	Девушки (Ростовская область)	Девушки (Кавказский регион)
Аффективные реакции			
Шок и ужас	100 %		50 %
Любопытство		71 %	50 %
Переживание о родителях и друзьях		71 %	
Парни из «прошлой жизни»		33 %	
Неверие и истерика		66 %	30 %
Сильно пить	25 %		
Не выходить из дома	25 %		
Радость			50 %
Ответственность			50 %
Сюжет кино	50 %		
Рациональные действия			
Поиск причины	83 %	12 %	
Где прежнее тело?	12 %		
Поиск решения проблем	50 %		
Новые документы, имя	12 %	33 %	
Обучение		33 %	
Гендерные ожидания			
Особенности чувствительности тела (интерес)	25 %		
Особенности образа мышления	25 %	40 %	
Решать математические задачи		33 %	
Физическая сила и метаболизм	12 %	28 %	
Найти работу (негативно)	12 %		
Профессиональные возможности (позитивно)		33 %	
Понять женскую натуру	12 %		
Узнать мужские секреты		57%	
Понять себя		16%	
Гендерное поведение			
Взаимоотношения полов			
Выжить среди коварных девушек	12 %		
Пообщаться с женщинами		43 %	
Эксплуатировать мужчин	33 %		
Повышать самооценку некрасивых девушек		33 %	
Стать недосыгаемой «девушкой мечты»	25 %		
Показать мужчинам, как ухаживать за девушками		33 %	
Внешность			
Внешний вид в целом	50 %	40 %	50 %
Макияж (нужно)	50 %		
Макияж (не нужно)			40 %

Одежда		40 %	60 %
Каблуки, юбки, розовый цвет	50 %		
Менять цвет волос	17 %		
Конкретные виды занятий			
Бар, бильярд, клуб		43 %	20 %
Баня		29 %	
Спорт армия		28 %	
Техника		20 %	
Водить автомобиль			40 %
Футбол		14 %	
Делать шашлык			30 %
Делать ремонт			20 %
Прогнозируемые последствия			
Сумасшествие	25 %		
Смерть	16 %		
Самоубийство	12 %		
Остаться в новом теле навсегда	12 %	43 %	60 %
Свобода и счастливый итог		29 %	50 %
Сохранить в секрете		4 %	

Рациональные действия традиционно считаются свойственными мужчинам больше, чем женщинам. В нашем исследовании данная закономерность проявилась лишь относительно. Так, юноши, действительно, чаще ставили рациональные вопросы о причинах случившегося (83 %) и путях решения проблемы (50 %). Среди девушек такие аналитические единицы встречались значительно реже (12 % и 0, соответственно). Но, с другой стороны, девушки из Ростовской области в три раза чаще указали на необходимость приобретения документов с новым именем, и в отличие от парней задумывались о получении образования. Следовательно, девушки также склонны мыслить рационально (хотя и реже, чем парни), но, если юноши мыслили абстрактно и стратегически, то девушки конкретно и тактически. Что касается представительниц республик Кавказа, то их реакции больше соответствовали традиционному женскому гендеру, т.е. рациональных действий описано не было.

Ожидания от трансгендерного перехода наиболее разнообразно и часто были представлены в эссе девушек из Ростовской области. Реже их описывали парни. Девушки из кавказских республик данного аспекта не касались вовсе. Возможно, для них приоритетное значение имеют внешние проявления гендера. Что касается ожиданий, представленных в ответах молодых людей из европейской части России, то они касались изменений в образе мышления (в 25 % эссе юношей и 40 % – девушек), физической силы и особенностей метаболизма (12 % и 28 %, соответственно). Интересно, что наряду с объективными физиологическими особенностями (сила, обмен веществ) респонденты ожидали и изменения мышления, что демонстрирует распространенность представлений о биологической природе различий мыслительных способностей мужчин и женщин. Треть девушек даже попробовали

бы свои силы в решении математических задач. Помимо упомянутого, юноши ожидали обнаружить изменения «чувствительности тела».

Интересно также, что респонденты хотели бы использовать моделируемую ситуацию, чтобы «понять женскую натуру» (12 % юношей), «узнать мужские секреты» (57 % девушек). Здесь проявляется некая изолированность мужских и женских сообществ друг от друга и стремление преодолеть эту изолированность (значительно сильнее представленную у девушек). Кроме того, юноши описывали пессимистичные ожидания в плане трудоустройства, а девушки, напротив, ожидали расширения профессиональных возможностей. Данные результаты, на наш взгляд, указывают на большую привлекательность мужского гендера в российском обществе. То есть мужской гендер и в европейской части России имеет более высокий статус, чем женский (хоть этот факт и не проявляется здесь так явно, как в республиках Кавказа).

Относительно гендерных моделей поведения по результатам анализа выделились такие аспекты, как взаимоотношения полов, действия с собственной внешностью и конкретные занятия.

В аспекте взаимоотношений полов обнаружили практически зеркальные паттерны поведения девушек (Ростовская область) и юношей. Так, если парней волновало, «как выжить среди коварных девушек» (негативный стереотип относительно женских коллективов), девушек интересовала возможность посмотреть на других женщин из роли мужчины. Полагая женщин коварными, юноши, «превратившись в девушку», стали бы «эксплуатировать мужчин» (33 %), в то время как девушки в аналогичном случае старались бы «повышать самооценку некрасивых девушек» (33 %). Парни планировали в женском образе стать для других мужчин неприступной «девушкой мечты» (25 %). Девушки же в мужском обличье «показали бы мужчинам, как нужно ухаживать за женщинами» (33 %). Интересным здесь представляется то, что эти результаты опровергают распространенное убеждение о мужской солидарности и невозможности искренней дружбы между женщинами. Наши респондентки, «став мужчиной», старались бы поддерживать других женщин, тогда как парни других мужчин предпочли бы эксплуатировать и дразнить, т.е. внутригендерная солидарность оказалась более свойственна женщинам.

Аспект внешности, что примечательно, более всего интересовал респондентов парней. Они, воображая превращение в девушку, говорили о важности внешнего вида в целом (50 %), необходимости макияжа (50 %), ношении обуви на каблуках, юбок и розового (50 %), а также планировали менять цвет волос (17 %) – вырисовывается гендерная модель женщины в глазах мужчины: «девушка – это так, которая накрашена, на каблуках, в юбке, в розовом и с изменчивым цветом волос». Девушки-ростовчанки в аспекте внешности уделяли внимание

виду в целом (красивый или нет – 40 %) и необходимости менять гардероб (40 %). Представительницы республик Кавказа высказывались аналогично (50 % и 60 %, соответственно), но обращали внимание на отсутствие необходимости накладывать макияж.

Аспект конкретных занятий не был представлен в эссе парней, но довольно широко описан девушками. Здесь интересна гендерная асимметрия. Если женский гендер в глазах мужчин обозначен внешними признаками (см. выше), то мужской гендер в представлениях девушек – это активный действующий образ. Комплекс занятий, атрибутирующих мужской гендер, отличался у девушек из разных групп. Ростовчанки, «став мужчиной», пошли бы в «бар, бильярд» (43 %), в баню (29 %), в армию (28 %), на футбол (14 %), занялись бы спортом (28 %) и техникой (20 %) – таков набор увлечений стандартного мужчины в глазах девушки. Представительницы Кавказа в мужском теле сходили бы в клуб (20 %), водили бы автомобиль (40 %), делали шашлык (30 %) и ремонт (20 %). Здесь примечательно то, что и в мужском облике кавказская девушка во многом тяготеет к привычной женской сфере – к дому (шашлык, ремонт), а не к традиционно мужской – публичной.

Прогнозируемые последствия моделируемой ситуации, в случае ее реализации, во многом соответствовали специфике первичных реакций. Юноши были склонны видеть негативное развитие ситуации: сумасшествие (25 %), смерть (16 %), суицид (12 %). Только 12 % допускали возможность продолжения жизни в роли женщины. Девушки, напротив, мыслили нейтрально или позитивно. Так, оценивали преимущества мужской свободы и счастливые перспективы 29 % респонденток из Ростовской области и 50 % кавказских девушек. Соответственно, готовы были «остаться в новом теле» 43 % и 60 % девушек. В данных результатах, на наш взгляд, манифестирует гендерная иерархия, причем, тем ярче, чем она более резко представлена в реальной гендерной структуре.

Таким образом, были сформированы следующие **выводы** относительно статусно-ролевой организации гендерной системы:

1. Аффективные реакции респондентов в смоделированной нестандартной ситуации соответствовали гендерным стереотипам: женщины более экспрессивны, мужчины оставляют переживания «в себе», но при этом, как оказалось, в сущности юноши не менее эмоциональны, чем девушки.

2. Респондентам обоих полов из европейской части России свойственны рациональные действия, но рациональность мужчин преимущественно абстрактная и стратегическая, тогда как у женщин – конкретная и тактическая. Респондентки из республик Кавказа рациональные действия не описывали, что соответствует традиционному женскому гендеру (мужчина думает, а женщина чувствует).

3. Гендерные ожидания продемонстрировали актуальность гендерных репрезентаций в отношении специфики мышления, разницы в физической силе и чувствительности и о более широких жизненных возможностях для мужчин, нежели для женщин.

4. Представленные в эссе модели поведения продемонстрировали наличие внутригендерной женской солидарности и не обнаружили таковой среди мужчин.

5. Паттерн женского гендера в представлениях парней образован атрибутами внешнего вида. Паттерн мужского гендера в представлениях девушек образован видами деятельности.

6. Трансгендерный переход представляется парням почти исключительно в негативном свете, тогда как девушки восприняли бы такие перемены с любопытством и радостью и предполагают, что смогли бы хорошо адаптироваться в новой роли.

7. Соответственно, есть основания говорить о сохранении трансформирующейся гендерной дифференциации и гендерного неравенства с доминированием мужского гендера, что более выражено в этнических сообществах республик Кавказа.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Введение в гендерные исследования: учеб. пособие для студентов вузов / Костикова И. В. и др.; под общ. ред. И. В. Костиковой. – М.: АспектПресс, 2005. – 235 с.
3. Григорьев С.И. Основы современной социологии. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001.
4. Громакова В.Г. Гендерные стереотипы в представлениях россиян о социальной работе // Сборник научных трудов Sworld. – 2014. – Т. 17. – № 1. – С. 70-72.
5. Мирча А.В. Трансформация гендерных отношений в условиях культурной глобализации: дисс. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2011. – 140 с.
6. Молевич, Е. Ф. Гендерные сдвиги в современных брачно-семейных отношениях: смена парадигмы // Женщина в российском обществе. – 2002. – № 2–3. – С. 38–42.
7. Johnson Alan G. The Gender Knot: Unraveling Our Patriarchal Legacy. – 2, revised. – Temple University Press, 2005. – P. 107.

Рецензенты:

Астоянц М.С., д.соц.н., профессор, зав. кафедрой прикладной социологии Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону;

Ковалев В.В., д.соц.н., профессор, зав. кафедрой политической социологии Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.